

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Н.М. Бевеликова, А.В. Павлушкин

РОССИЯ И ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ В АЗИИ: МОНИТОРИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Авторы статьи прослеживают развитие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе с точки зрения стратегических интересов России. Взгляд на европейский образец интеграции позволил выделить особенности азиатского интеграционного формата. В статье анализируются такие особенности в рамках АСЕАН, ШОС, АТЭС, БРИКС и возрастающая роль в них России и Китая.

Статья освещает не только динамику экономического сближения и этапы объединения азиатских государств, но и основы мониторинговых механизмов этих процессов. Проведенный правовой анализ интеграции в Азии позволил обозначить вопрос о мониторинге международно-правовых актов, остающийся в отличие от мониторинга национальных правовых актов, не исследованным.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, региональная интеграция, АСЕАН, ШОС, АТЭС, БРИКС, международный правовой мониторинг.

Происходящие в настоящее время мировые процессы определяются новыми вызовами и заставляют взглянуть на место России с точки зрения вызовов интеграции в Азии. В современной системе международных отношений набирают силу объективные процессы геополитического значения, которые в перспективе будут определять новое мироустройство: глобализацию и интеграцию. Эти процессы подстегиваются усилением взаимозависимости государств, национальных экономик, корпораций и людей.

Региональная интеграция принимает конкретную форму в объединении национальных экономик в единое экономическое пространство для проведения согласованной межгосударственной экономической политики, создания региональных интеграционных объединений, наднациональных институтов и др. Для понимания происходящих в Азии региональных интеграционных процессов следует выявить их признаки. К перечню признаков интеграции, как правило, причисляют: высокий уровень сотрудничества в культурной, политической, экономической и в меньшей степени правовой областях; наличие эффективных институтов принятия решений; наличие институтов, занимающихся обеспечением региональной безопасности и

обязательно связанных с институтами экономического профиля; частичное и выборочное применение наднациональных методов принятия решений, особенно во внешнеэкономической сфере; способность региональной структуры выступать в качестве консолидированного субъекта международного общения, обладающего легитимностью в глазах других участников мировой политики¹.

Как видно, интеграционный процесс в восточно-азиатском варианте представляет собой контраст по сравнению с западноевропейским аналогом и не только в связи с тем, что ему присущи выжидательность и осмотрительность. Ведь каждая региональная версия интеграции соответствует конкретным условиям региона, строго с ними соотносясь в том, что касается форм взаимодействия, его этапности, условий, темпов и конечных целей сближения.

Именно конечная цель сближения, как представляется, является ключом к обоснованию логики сопоставлений развития интеграционных процессов в Европе и Азии. Так, например, главным критерием Евросоюза изначально была провозглашена «надна-

¹ См.: Goto, Junichi. Macroeconomic Interdependence in East Asia // International conference of IMF & WB. Tokyo, 2011. P. 22–23.

циональность», ставшая чуть ли не основной характеристикой европейской интеграции, в рамках же формирующегося восточноазиатского варианта речи о надгосударственном объединении не идет. Возможно, руководству восточноазиатских государств термин «интеграция» может казаться дезориентирующим и слишком европейским. По обоснованному мнению российских специалистов, «вековые борения за национальный суверенитет, сама идея независимости глубоко укоренена в странах Восточной Азии, а идея какого-либо ограничения суверенитета, его делегирования на наднациональную ступень всегда ассоциируется у общественности восточноазиатских государств с реакцией «реинтеграция колониализма»².

Между западноевропейским и восточноазиатским мышлением наблюдается «зияющий разрыв», поскольку восточноазиатский механизм принятия ключевых решений работает в режиме согласования стратегий развития, уже одобренных национальными правительствами. В отличие от Западной Европы саммиты глав государств и правительств в Восточной Азии решают практически все главные вопросы политического и экономического взаимодействия, не допуская наднациональной компетенции. Например, наднациональные институты в Европейском союзе охватывают сферой своей деятельности даже процедурные вопросы, а в восточноазиатских государствах они вообще не следуют наднациональной схеме принятия решений. Как известно, идеалом для Восточной Азии является не обязательная, а избирательная и дозированная интеграция — в экономике и под жестким контролем. Суверенные национальные правительства, никогда не проявляя готовности поступиться властью и не допуская непредсказуемого развития, делегируют наднациональным международным органам лишь отдельные экономические полномочия.

Имеется множество вариантов азиатского интеграционного взаимодействия, но лишь в определенных сферах. Так, в восточноазиатских странах интеграция в социальной сфере расценивается как абсолютно неприемлемый опыт. Очевидно, сделанная Западной Европой несколько десятилетий назад заявка на социальную интеграцию выглядит для них настораживающей. Европейское стремление сформировать «единый этнос» не является базовым параметром в Восточной Азии. Действительно, усиление бесконтрольных миграционных тенденций без тщательного учета состава населения интегрирующихся стран способно в короткие сроки подорвать относительную устойчивость на азиатском континенте. Что касается результативности,

то она внутри всех известных объединительных вариантов неодинакова, поскольку строго коррелируется с местными условиями. Этот важнейший алгоритм любых интеграционных моделей в Восточной Азии имеет безусловный характер, поскольку ярко выраженная уникальность региональной специфики не покрывается, как в Западной Европе, правовыми нормами и юридическими процедурами, ставящими профессионалов европейской интеграции в изначально прогнозируемые рамки. Возможно, именно уникальность ярко выраженной конкретики условий, не воплощенной в строгих универсальных нормах, процедурах и правовых институтах, дает для интеграции в Восточной Азии реальную перспективу.

В восточноазиатских объединительных процессах наблюдается еще один аспект, существенно отличающий их от интеграции западноевропейской — в своей основе Евросоюз — это осмысленный альянс самых мощных государств — лидеров Европы, всегда ведущих за собой остальных. В Восточной Азии экономическое взаимодействие движется группой средних и даже малочисленных стран. Специфическая черта азиатской институциональной модели выражается не в воплощении элементов наднациональности, а в концепции «вбирания в себя» полезных черт становления каждой из восточноазиатских государств. Специфика развития каждой из стран привносит в общий процесс интеграции свой опыт, и это делает восточноазиатскую интеграцию не только самодостаточной, но и не нуждающейся в распространенных на Западе процедурных решениях. В качестве примера можно привести Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН), члены которой (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Таиланд, Бруней, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма) выработали особый стиль взаимоотношений, базирующийся на консенсусе и личных контактах руководителей соответствующих государств, их взаимных консультациях при принятии решений, т.е. на минимальной институционализации.

Таким образом, динамика экономического сближения, скорость и этапы объединения азиатских государств неизменно определяются их руководством, а европейские интеграционные процессы, как представляется, основаны на объективных механизмах саморегулирования, что свойственно открытым системам.

Правовой анализ позволяет говорить, что пока только европейский опыт интеграции дает возможность обозначить основные признаки интеграционного процесса. Речь идет о наличии национальных институтов интеграции, которые демонстрируют ее комплексную природу, т.е. интеграция, начавшись в экономике, должна последовательно проникать в социальную и политическую сферы, чтобы постепенно

² Балакин В. Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 117–127.

стимулировать формирование единого пространства с общим нормативным регулированием наряду с иными ценностными ориентирами. Следовательно, выработка оптимального варианта сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее — АТР) возможна на примере Евросоюза: или допустить перерастание чисто экономического взаимодействия в нечто большее, т.е. создание единого публичного образования с формально унифицированными властными институтами, или нет. Однако чтобы понять, насколько тяжеловесна система управления Евросоюзом, достаточно даже беглого взгляда на европейский вариант интеграции, свидетельствующий о наличии обоснованных сомнений в отношении претензий на универсальность такого интеграционного формата.

Вместе с тем объективная заслуга европейского образца интеграции состоит, без сомнения, в том, что сложившийся опыт позволяет выделить главные типологические черты интеграции, при анализе которых восточноазиатский вариант избежит очевидных ошибок и сделает ряд правовых шагов, основанных как на универсальных чертах, так и региональных особенностях. Опора на них позволит конкретному восточноазиатскому интеграционному проекту стать эффективным. Несмотря на то что типологические различия между интеграционными процессами в Западной Европе и Восточной Азии предопределяют особые процедуры принятия стратегических решений, в обоих случаях налицо стремление участников к формированию механизмов управления экономикой в конкретных региональных условиях. Вряд ли такие действия заслужат высокую оценку, если не будут активно способствовать преодолению экономических барьеров.

Экономическая интеграция, а именно она является преобладающей формой интеграции в АТР, — это высшая форма интернационализации хозяйственной жизни, достигаемая в процессе соединения различных национальных экономик в единый комплекс, отличающийся своей институциональной структурой и функционирующий на базе согласованной экономической политики как на межгосударственной, так и на наднациональной основе³. Принято выделять несколько стадий экономического интеграции, например: основанных на европейском опыте, соглашение о торговых преференциях, зона свободной торговли, таможенный союз, общий (единый) рынок, экономический (валютный) союз, полная экономическая интеграция.

В связи с этим стоит говорить о признаках регионального экономического процесса, главным из которых можно считать устойчивую ориентацию участни-

ков интеграции на преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии. Именно такое понимание объединительных процессов постепенно складывается в Азии, хотя оно не всегда соответствует классическому. Так, в начале 1990-х гг. членами АСЕАН принимается решение об ускорении темпов либерализации торговли, и на саммите в Сингапуре была достигнута договоренность о создании зоны свободной торговли АСЕАН (ASEAN Free Trade Agreement, AFTA) (далее — АФТА). Главным механизмом либерализации в АФТА является общий эффективный преференциальный тариф (Common Effective Preferential Tariff, СЕРТ)⁴. При этом АФТА не является таможенным союзом, т.е. каждый ее участник вправе применять свои собственные тарифы в отношении товаров, завозимых из-за пределов АСЕАН.

Необходимо отметить в связи с этим, что АСЕАН по праву считается одной из авторитетных региональных группировок в АТР. В эволюции АСЕАН можно выделить ряд ключевых этапов: подписание учредительной Бангкокской декларации в 1967 г.; подписание Декларации о создании зоны мира, свободы и нейтралитета (Zone of Peace, Freedom and Neutrality, ZOPFAN) в 1971 г.; подписание Балийского договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии в 1976 г.; проведение первого саммита глав государств и правительств стран-участников и вынесение решения о формировании зоны преференциальной торговли АСЕАН; принятие решения о создании АФТА в 1992 г.; принятие решения об углублении интеграции в рамках АСЕАН и создании Сообщества АСЕАН в политике, экономике и социально-культурной сфере в 2002 г.; подписание Устава АСЕАН и решение о создании к 2015 г. экономического сообщества АСЕАН со свободным передвижением товаров, услуг, квалифицированной рабочей силы и капиталов в 2006 г.⁵

Основной причиной, побудившей членов АСЕАН более решительно взяться за либерализацию торговли, стали их опасения потерять свою привлекательность для прямых зарубежных инвестиций, которые к тому времени превратились в один из главных двигателей экономического роста азиатских стран⁶.

³ См.: Арин О.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997. С. 84.

⁴ Общий эффективный преференциальный тариф распространяется на товары, импортируемые из стран АСЕАН, и составляет от 0 до 5%.

⁵ URL: <http://www.geocities.com/aseanpage/preASEAN.html>

⁶ См.: Helen E.S. Nesadurai. Southeast Asia's New Economic and Financial Institutions // Asia's New Institutional Architecture. Op. cit. P. 162–164.

Следует отметить, что самым мощным конкурентом АСЕАН в борьбе за инвестиции стала КНР, идущая по пути не только рыночных реформ, но и открытости.

В связи с этим вызывает интерес такое высказанное обоснование интеграционных процессов в АТР: во-первых, это макроэкономический и политический уровни, где доминирует английский язык, а США являются важнейшим источником технологий, гарантируют безопасность и играют роль главного потребителя товаров. Во-вторых, микроэкономический уровень, на котором лидирует Япония, контролирующая производственные сети и задающая тон в стратегиях промышленного развития. В-третьих, китаецентричный уровень, опирающийся на китайские диаспоры в регионе и на сам Китай в качестве главной производственной базы⁷.

С учетом того, что с конца 1990-х г. центр тяжести всех интеграционных тенденций сместился в АТР, выглядит логичным появление институциональной группировки десяти стран АСЕАН и трех стран Восточной Азии: Китая, Японии и Южной Кореи, т.е. «АСЕАН+Три» (далее — АПТ), учредителем которой в 1997 г. выступил Китай. АПТ способна была превратиться в самодостаточный экономический блок, сопоставимый с Евросоюзом и НАФТА. Она рассматривалась многими юристами в качестве институционального ядра экономической и политической интеграции в Восточной Азии, являющегося несомненным центром АТР.

Однако этого не произошло. В связи с этим следует признать логичным ход Пекина по инициированию в 2010 г. решения о создании зоны свободной торговли между странами АСЕАН и Китаем — «АСЕАН+Один». Указанное решение является одним из очень немногих примеров того, как государство с более крупным рынком пошло на ряд односторонних уступок более слабой стороне. Согласно данному объединению Китай предоставляет входящим в АСЕАН азиатским странам гарантии доступа на китайский рынок, позволив им извлекать выгоды из своего впечатляющего экономического роста. Именно таким образом были ослаблены опасения соседних государств, что они могут пострадать в конкурентной борьбе с Китаем. Вместе с тем, как отмечает Ричард Фейнберг, «торговля — далеко не только обмен товарами и услугами; в XXI в. зоны свободной торговли являются важными инструментами внешней политики, предназначенными для укрепления партнерства, подобно военным альянсам в прошлые времена»⁸.

⁷ См.: Richard J. Samuels. *Securing Japan*. Ithaca and London: Cornell University Press. 2007. P. 130.

⁸ Richard Feinberg. *BS Trade Arrangements in the Asia-Pacific // Bilateral Trade Agreements in the Asia-Pacific: Origins, Evolution and Implications*. New York, Routledge. 2006. P. 96.

Как продолжение внешнеэкономической политики Китая, в логику восточноазиатской интеграции укладывается его растущая инициативность в создании анализируемых преференциальных торговых соглашений и зон свободной торговли по периметру китайских границ. Соглашение о зоне свободной торговли (далее — ЗСТ) с АСЕАН юридически позволило КНР заключать или готовить такие соглашения с Таиландом, Новой Зеландией и Пакистаном, с Австралией, Чили и Сингапуром, с Южной Кореей и Индией. С 2002 г. Китай предлагает рассмотреть возможность создания ЗСТ в Северо-Восточной Азии с участием Японии и Южной Кореи.

Однако для формирования в Азии единого, интегрированного и по-настоящему конкурентоспособного на мировом уровне экономического пространства недостаточно лишь устранения тарифных барьеров. Очевидно, назрела необходимость более активной либерализации и в иных областях, в связи с чем участники АСЕАН провозгласили создание Экономического сообщества АСЕАН (ASEAN Economic Community, АЕС) (далее — АЕС), которое поддержит логику функционирования АФТА, делая главный упор на либерализацию в сферах услуг и инвестиций, сокращении нетарифных барьеров, гармонизации стандартов и содействию свободному передвижению квалифицированной рабочей силы. По сути, реализация целей АЕС будет означать создание в рамках АСЕАН единого общего рынка. Как отмечалось, если сначала создание Экономического сообщества АСЕАН намечалось к 2020 г., то на Сингапурском саммите в 2007 г. было решено сформировать единое экономическое пространство уже к 2015 г.

Реализация намеченных целей может привести к изменению всей системы мировой торговли, где будут доминировать два торговых блока — Евросоюз и Азиатско-Тихоокеанский, несмотря на то что сохраняются значительные перепады в уровне социально-экономического развития стран АСЕАН: с одной стороны — обладающие самыми высокими в мире показателями по душевому ВВП Сингапур и Бруней, а с другой — одни из самых бедных государств на планете: Лаос, Камбоджа, Мьянма. При этом в АСЕАН отсутствуют механизмы финансовой помощи для менее развитых стран, подобные тем, что существуют в Евросоюзе. Разнятся и политические режимы в АСЕАН, где соседствуют государства, выбравшие различные пути политического развития. Вместе с тем общеизвестно, что формирование однородности в Азии представляет собой не столько начальную стадию интеграции, сколько один из возможных ее результатов.

В последние годы наблюдается новый восходящий виток экономической активности КНР в АТР. Так, в сфере многосторонней региональной безопасности приоритетом для КНР продолжает оставаться развитие

взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Сессии по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Форума «Восточная Азия — Латинская Америка» (ВАЗЛАФ), встреч «Азия—Европа» (АСЕМ). Выделим, что значимость для КНР ШОС проявляется в том, что это единственная юридически оформленная организация регионального взаимодействия, участником которой является Китай.

Как видно, роль Китая в правовых процессах интеграции в АТР быстро возрастает, поскольку он все более активно входит в структуры многостороннего регионального сотрудничества, а они в азиатском регионе способствует формированию «зоны стратегического продолжения китайской экономики». Китай, по сути, по справедливому мнению Я.М. Бергера, должен стать центром Восточной Азии, вытесняя Японию и США и превращая регион в свою стратегическую сферу влияния⁹. Трансформация Китая в ядро экономической интеграции в Восточной Азии неизбежно порождает вопросы о том, какие политико-стратегические последствия это влечет для Российской Федерации.

Так, например, вступив в состав стран — участниц Форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (далее — АТЭС) 14 ноября 1998 г. в Куала-Лумпуре, Россия ответила на вызов глобализации, однако не менее важно было установить структуру и очередность задач и действий по достижению целей. Целями же вступления называлась интеграция регионов Сибири и Дальнего Востока в экономику АТР, расширение связей и рынков сбыта, привлечение внутренних и внешних инвестиций. Уникальное экономико-географическое положение данных регионов, являющихся одной большой контактной зоной России со странами АТР, определяет прохождение через них значительных товарных потоков производственного и потребительского назначения. По утверждению И.И. Меламеда, Дальний Восток и Прибайкалье обретают перспективу стать «мостом» для развития торгово-экономических связей АТР со странами Европы¹⁰.

В связи с тем что ориентация на сотрудничество со странами АТР проявляется все четче, обустройство дальневосточных земель становится приоритетом национального масштаба. Взят внешнеполитический и внешнеэкономический курс на развитие восточного интеграционного вектора, чтобы теснее «притянуть» и постепенно интегрировать российский Дальний Восток в АТР, однако не в маргинальном заброшенном со-

⁹ См.: Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 47–48.

¹⁰ См.: Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы интеграции: монография / под ред. И.И. Меламеда. Владивосток, 2011. С. 643.

стоянии. С учетом этого в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. определено, что стратегические ориентиры «должны опираться на реализацию комплексных мер государственной поддержки, включая создание системы специальных преференций и стимулов»¹¹.

Необходимо отметить, что товарная структура внешней торговли РФ со странами АТЭС во многом воспроизводит общую экспортную специализацию: преобладает весьма узкий круг сырьевых товаров¹². Из всех стран — участниц форума АТЭС именно в Китае возникает новый центр экономического развития, притягивающий энергоресурсы как сопредельных, так и отдаленных территорий. Прошедший в октябре 2013 г. в Индонезии саммит АТЭС подтвердил растущий интерес Китая к диалогу по ключевым вопросам торгового, инвестиционного и технического сотрудничества.

Отметим, что первой межгосударственной интеграционной группировкой, в которую вступил Китай, стал именно форум АТЭС, объединяющий 21 экономику стран — членов. АТЭС помог привлечению в Китай иностранных инвестиций и, как считает китайский исследователь Чжан Юнлин, предоставил Китаю дополнительную возможность играть заметную роль на мировой арене, не налагая на него обязательств, в отношении которых у Пекина нет уверенности, что их выполнение соответствует его интересам¹³. Действительно, современная внешнеполитическая доктрина КНР рассматривает региональную интеграцию в АТР как одну из объективных тенденций глобализации и относится к ней довольно позитивно при условии, что регионализация не ущемляет политических, экономических и стратегических интересов Китая в мире и регионе¹⁴.

В связи с этим все большую актуальность приобретает подход, предполагающий создание на территории России особых экономических зон для интеграции страны в АТР. Свой вклад в преодоление сырьевой ориентации российской экономики был призван внести Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹⁵, создавший правовую базу для реализа-

¹¹ СЗ РФ. 2010. № 4. Ст. 421.

¹² См.: Федоровский А.Н. Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 48.

¹³ См.: Аремидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. М., 2007. С. 241.

¹⁴ См.: Sheng Bin. Regionalism: Challenge for China's Trade Policy in the 21 Century. ASC Conference. Tianjin, 2001. P. 3.

¹⁵ СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.

ции масштабного национального проекта по развитию высокотехнологичных производств.

Перспективы развития в России инновационной деятельности связаны с созданием технико-внедренческих зон, концентрирующих интеллектуальный, технический и финансовый потенциал. К ключевым факторам успеха становления зон экономического сотрудничества и развития отдельные ученые относят взаимодополняемость экономик, географическую близость, политическую приверженность, координацию действий, развитие инфраструктуры¹⁶.

Как видно, ключевое значение в развитии Дальнего Востока должно принадлежать задачам экономической модернизации региона¹⁷. По мнению Т.Я. Хабриевой, ключевое значение в концепции правового развития российского Дальнего Востока необходимо придать именно решению задач экономической модернизации и укрепления социальной системы региона за счет инвестиций в инновационные и высокотехнологичные проекты и улучшения делового климата в целом, что потребует совершенствования не только федерального законодательства, но и законодательства дальневосточных субъектов РФ. В указанной концепции должны быть учтены преимущества Дальнего Востока как связующего звена АТЭС с другими интеграционными объединениями при участии России, в том числе СНГ и ЕвразЭС. Это в перспективе позволит создать одну из крупнейших интегрированных зон свободной торговли современного мира¹⁸. Из данного правового подхода следует весьма важный вывод: стратегия соразвития России и АТР должна строиться исходя из двойственного положения нашей страны в этом регионе, обладающей как глобальной экономикой, так и как экономикой региональной, представленной российским Дальним Востоком. России нужна такая политика в АТР, которая предусматривала бы интерпретацию интересов как России в целом, так и ее субъектов, т.е. важно активно участвовать в процессах азиатско-тихоокеанской интеграции в целях поднятия экономики как российского Дальнего Востока, так и всей России.

Давно назрела необходимость гармонизации законодательства РФ и международных договоров, заключенных в рамках интеграционных объединений в

АТР, что предполагает внесение изменений в законодательство, налаживание системной связи РФ и ее субъектов в обеспечении исполнения международных обязательств, расширение двусторонних международных договоров с теми государствами, потенциал сотрудничества с которыми практически не реализован.

Так, например, в АТЭС с 1995 г. функционирует Деловой консультативный совет (далее — ДКС) в составе представителей бизнес-сообщества (по три от каждой страны). Основная задача ДКС — разработка рекомендаций по осуществлению Осакаской программы действий и определению приоритетов в развитии сотрудничества.

Приоритетные функции ДКС — влияние на принятие решений в рамках АТЭС на государства с целью реализации индивидуальных и коллективных планов действий (далее — ИПД и КПД), содействие торговой и инвестиционной открытости. ДКС выполняет такие задачи, как информирование глав государств и правительств о достигнутых результатах в рамках деятельности АТЭС; проведение мониторинга в отношении формирования зоны свободной торговли и инвестиций к 2010–2020 гг. Ежегодно ДКС представляет доклад с обобщенными рекомендациями представителей частного сектора о реализации программных документов АТЭС. Это позволяет российским исследователям говорить о создании в рамках АТЭС норм «мягкого права» (soft law), направленных на формирование особой среды, в пределах которой происходит интенсивный обмен между участниками АТЭС информацией по вопросам международной коммерческой деятельности. Благодаря действию норм «мягкого права» осуществляется формирование единого информационного пространства АТР¹⁹.

Разработкой конкретных направлений сотрудничества занимаются отраслевые комитеты и рабочие группы. Основные отраслевые комитеты — Комитет по торговле и инвестициям, Экономический, Административно-бюджетный. Заметим, что главное направление деятельности Комитета по торговле и инвестициям — устранение торговых и инвестиционных ограничений в АТЭС; разработка КПД и проведение мониторинга ИПД.

В связи с этим необходимо отметить, что на Манильском саммите (1996 г.) была принята Манильская программа действий, которая состоит из трех разделов: ИПД каждого государства-члена; КПД; развитие экономического и технического сотрудничества на основе совместных проектов.

¹⁶ См.: Хузятов Т.Д. Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / под ред. В.Н. Соколова. Владивосток, 2004. С. 336–343.

¹⁷ См.: Островский А.В. Россия и АТЭС: экономическая стратегия взаимодействия // Саммит АТЭС: правовые механизмы региональной интеграции: монография. М., 2012. С. 10–20.

¹⁸ См.: Хабриева Т.Я. К вопросу о Концепции правового развития российского Дальнего Востока // Саммит АТЭС: правовые механизмы региональной интеграции: монография. М., 2012. С. 10–20.

¹⁹ См.: Сидоров В.Н. Нормы «soft law» как источник таможенного права Таможенного союза (на примере актов АТЭС) // Государственный аудит. Право. Экономика. 2012. № 4. С. 163.

ИПД предусматривают реализацию мер по либерализации торговли и инвестиций: по таможенным пошлинам, нетарифным барьерам, услугам, инвестициям, политике конкуренции, правительственным закупкам, урегулированию споров, миграции предпринимателей, ускорения реализации итогов Уругвайского раунда ГАТТ, правилам происхождения товаров, национальным стандартам. ИПД носят добровольный характер, но так как они принимаются с учетом результатов переговоров и консультаций, то фактически являются в минимальной степени обязательными для государств. Путем принятия КПД были определены направления стимулирования торговли и капиталовложений, формирования наиболее благоприятного делового климата. С 2000 года действует правило периодических отчетов стран о ходе выполнения планов действия.

Таким образом, одной из основных площадок конкурентной борьбы за инвестиции, которые могут быть направлены на разработку природных ресурсов и развитие наукоемких технологий, выступает АТЭС наряду с БРИКС.

БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) позиционируется как глобальный форум, который в основном будет определять вектор мирового развития в XXI в. Он уже стал форматом, прочно утвердившимся на международной арене, поскольку в его основе — общность коренных интересов стран-участниц не только в экономической сфере, но и в определенных сферах политической жизни. В рамках БРИКС постепенно складывается новая система международных отношений, что свидетельствует о начале интеграционных процессов в АТР по обе стороны Тихого океана, затрагивающих уже и африканский континент, и Латинскую Америку.

Страны — члены БРИКС, провозглашая принципы открытости, солидарности, взаимопонимания и доверия, намерены способствовать повышению эффективности институтов глобального управления путем расширения представительства в них стран с формирующейся рыночной экономикой.

Следует отметить, что интеграционным процессам XXI в. свойственна общая тенденция, которую можно назвать фрагментацией. Фрагментация в интеграционном процессе — это наличие нескольких механизмов правового регулирования в различных сферах сотрудничества. До начала нынешнего мирового экономического кризиса считалось, что наибольшую сложность в любом интеграционном процессе представляют две сферы — общая внешняя политика и политика безопасности, являющиеся фактором фрагментации в интеграционных процессах в рамках БРИКС в качестве связующего звена. С углублением кризиса стало очевидно, что интеграция в экономической сфере также может посту-

пательно развиваться, а проблемы, связанные, например, с внешнеэкономической деятельностью каждого из государств — участников БРИКС, могут решаться общими усилиями.

В рамках правового исследования интерес вызывает регулирование внешнеэкономической деятельности, которая может рассматриваться как деятельность по развитию сотрудничества между государствами БРИКС в области торговли, экономики, культуры, туризма и др. Основной правовой формой такого сотрудничества являются двусторонние и многосторонние международные договоры, устанавливающие основные принципы и направления взаимодействия государств в указанных сферах. Заключаемые договоры имеют существенное значение для сотрудничества, поскольку в них не только устанавливаются права и обязанности договаривающихся сторон, но и определяются конкретные аспекты взаимного сотрудничества и подлежащие урегулированию проблемы. Например, двусторонние договоры, прежде всего торговые, направлены на установление льготного режима для хозяйствующих субъектов, занятых во внешней торговле.

Необходимо отметить, что под внешнеэкономической деятельностью понимается предпринимательская деятельность, связанная с перемещением через таможенную границу стран БРИКС товаров, информации, результатов интеллектуальной деятельности, капитала (финансовых средств), а также оказание услуг и выполнение работ на территории иностранного государства. Правовой формой реализации этой деятельности служат внешнеторговые контракты как специфический вид хозяйственных договоров.

В отношении перспектив сотрудничества в рамках регламентированной внешнеэкономической деятельности следует отметить, что на саммитах БРИКС правительства входящих в него стран выражают намерение улучшить правовую регламентацию внешнеэкономической деятельности.

Следует отметить, что в рамках БРИКС широко используются типовые формы договоров (купли-продажи, поставки, подряда, перевозки, лицензионные, агентские и др), разработанные различными международными организациями и ассоциациями предпринимателей. Однако когда договор четко не определяет обязанности сторон и не содержит подробные условия реализации их прав, арбитражные органы стран БРИКС обращаются к законодательным актам.

Для современной рыночной экономики показательно активное воздействие государства на развитие национальной экономики. В странах БРИКС развивается законодательство, объектом правового регулирования которого выступают отношения между хозяйствующими субъектами по экспорту и импорту, а также от-

ношения, связанные с оказанием услуг и выполнением работ на территории иностранных государств. Нормы предпринимательского права, которые регулируют возникающие в связи с государственным воздействием на предпринимательскую деятельность во внешнеэкономической сфере отношения, содержат условия ее осуществления, устанавливают права и обязанности ее участников.

В Российской Федерации основополагающим законодательным актом в области регулирования внешнеэкономической деятельности является Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»²⁰, которым установлены основы осуществления и принципы государственного регулирования внешнеторговой деятельности. Среди которых: защита государством прав и законных интересов участников внешнеторговой деятельности, а также прав и законных интересов российских производителей и потребителей товаров и услуг; равенство и недискриминация участников внешнеторговой деятельности; единство таможенной территории РФ; взаимность в отношении другого государства (группы государств); обеспечение выполнения обязательств РФ по международным договорам и осуществление возникающих из этих договоров прав; единство системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности; единство применения методов государственного регулирования внешнеторговой деятельности на всей территории РФ (ст. 4) и др.

После присоединения Китайской Народной Республики к ВТО в 2001 г. одним из главных направлений трансформации сферы регулирования внешней торговли в этой стране является либерализация внешнеторгового режима. С 1 июля 2004 г. вступила в силу новая редакция Закона КНР 1994 г. «О внешней торговле»²¹, направленная на расширение возможностей китайских национальных отраслей промышленности. Данный Закон разработан в целях расширения внешней открытости, стимулирования развития и поддержания должного порядка внешней торговли, защиты законных прав и интересов предпринимателей (ст. 1) посредством создания и развития единой системы внешней торговли. Закон обеспечивает поддержку социалистической рыночной экономики, стимулирование и развитие торговых отношений с другими странами и регионами на принципах равенства и взаимной выгоды (ст. 5).

В связи с этим следует отметить, что расширение участия Китая в процессах глобализации сопровождается реформированием внутренних экономических

институтов, повышением степени транспарентности их деятельности, ускорением рыночных преобразований, постепенным открытием для иностранного проникновения ранее закрытых областей бизнеса. Так, КНР согласно ст. 6 Закона «О внешней торговле», руководствуясь международными договорами и соглашениями, которые она заключила или участником которых является, предоставляет другим заключившим договор сторонам либо участникам договоров или соглашений статус стран наибольшего благоприятствования, гражданские и иные права, оговоренные в договоре.

В Индии системообразующим нормативным правовым актом в сфере внешнеэкономической деятельности является Акт «О развитии и регулировании внешней торговли» 1992 г.,²² предусматривающий развитие и регулирование внешней торговли путем содействия импорту и увеличения экспорта. В соответствии с положениями Акта правительство должно содействовать внешнеэкономической деятельности и контролировать ее посредством создания единой системы поощрения и регулирования внешней торговли. Полномочия по осуществлению этой деятельности предоставляются Министерству торговли и промышленности Индии.

В ходе экономических реформ 2004–2009 гг. глобализация экономики Индии была определяющим фактором в формировании внешнеторговой политики. Основными принципами работы указанного Министерства названы: создание атмосферы доверия и транспарентности; упрощение процедур и снижение операционных издержек; нейтрализация частоты всех налогов на ресурсы, используемые в экспорте продукции; содействие развитию Индии в качестве глобального центра для производства, торговли и услуг; содействие технологическим и инфраструктурным улучшениям индийской экономики; модернизация сетевой инфраструктуры, связанной с внешнеэкономической деятельностью согласно международным стандартам.

Для полноты картины целесообразно кратко остановиться на законодательстве и двух других государств-участников БРИКС: Бразилии и ЮАР. Так, законодательство ЮАР, регламентирующее вопросы внешней торговли, создает условия для привлечения иностранных инвестиций. Основополагающим законом о регламентации внешнеэкономической деятельности является Акт «Об администрации внешнеэкономической деятельности» 2002 г.²³ Создана Комиссия по внешнеэкономической деятельности — независимое

²⁰ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

²¹ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/about_cn/ved_cn/

²² См.: Индия. Внешнеэкономическая деятельность // URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/in/bout_in/ved_in/.

²³ См.: Россия – ЮАР – бизнес на развивающихся рынках // URL: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_D12ADF89-0800-4057-BF07-AF2756A3F92F.html

учреждение, осуществляющее контроль за импортом и экспортом в ЮАР. Предусматриваются одинаковые правовые условия для иностранных и местных инвесторов и разрешение частного предпринимательства для иностранцев. Положения данного Акта затрагивают и вопросы, связанные с отсутствием: специальных разрешений государственных органов на участие в ней граждан других государств (за исключением банковско-финансовой деятельности), требований к минимальному размеру капитала, ограничений на вывоз прибыли и дивидендов при наличии разрешения органов валютного контроля, ограничений на иностранное владение созданными или приобретенными южноафриканскими компаниями.

Законодательство Федеративной Республики Бразилии, входящей в состав БРИКС, оказалось в наименьшей степени приспособлено к новым условиям развития мирохозяйственных связей в условиях глобализации. В Бразилии не систематизировано законодательство, определяющее основы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Нормативно-правовая база этой сферы включает в себя ряд законов, а также подзаконных нормативных актов — декретов, временных мер, указов, резолюций, циркуляров, нормативных инструкций, принятых исполнительными органами. Очевидно, проект закона «О внешнеэкономической деятельности» призван способствовать созданию единой системы применения методов государственного регулирования внешнеэкономической деятельности и упрощению процедур экспорта и импорта с последующим обеспечением развития экономики Бразилии²⁴.

Обращение к актам национального законодательства всех государств БРИКС вызвано следующим — БРИКС принципиально отличается от международных организаций тем, что юридически не наделяется правоспособностью, функционирует без учредительных актов, не имеет формализованной организационной структуры, не обладает правом принятия юридически обязывающих решений. В его основе не лежит учредительный договор, нет штаб-квартиры, секретариата, бюджета и т.д. Как показал анализ, БРИКС свойственны регулярность работы без привязки к определенному местопребыванию и постоянный состав участников. С учетом этого в настоящее время БРИКС можно определить как неформальное межгосударственное объединение, не обладающее правосубъектными и правотворческими свойствами и явными институциональными качествами. Саммит БРИКС в Дурбане, про-

шедший в ЮАР в марте 2013 г., подтвердил как неготовность входящих в БРИКС государств к более глубокой интеграции, так и то, что приведенный формат сотрудничества придает нужную гибкость используемым механизмам.

Таким образом, БРИКС представляет собой современную форму международного сотрудничества как интенсивно укрепляющийся глобальный форум партнерского диалога и взаимодействия государств с развивающимися экономиками, роль которых в мире неуклонно растет.

В этой связи обращает на себя внимание возрастающее влияние Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС), международно-правовую основу которой составили договоры шести государств в качестве постоянных членов (Россия, Казахстан, Китай, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан), пяти стран-наблюдателей (Индия, Пакистан, Иран, Монголия и Афганистан) и трех партнеров по диалогу (Белоруссия, Шри-Ланка и Турция). Уникальность данной организации проявилась и на очередном саммите ШОС в сентябре 2013 г. в Бишкеке, поскольку она сочетает в себе как Центральную Азию в узком смысле этого слова, так и Большую Центральную Азию.

Юридически предшественницей ШОС была «Шанхайская пятерка», образовавшаяся в результате принятия Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы, подписанного 26 апреля 1996 г. в Шанхае, и Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанного 24 апреля 1997 г. в Москве. В указанных документах было отмечено, что «в условиях открытости границ между подписавшими государствами охрана их внешних границ является их общим делом и должна осуществляться согласованными совместными усилиями»²⁵. Зарождающееся региональное объединение нуждалось в необходимости оформления юридически значимых решений, принятых на встречах и саммитах. Так, на встрече глав России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана 14–15 июня 2001 г. (г. Шанхай) был заложен правовой фундамент новой региональной структуры многостороннего сотрудничества в различных сферах — объявлено о создании ШОС. В принятой Декларации о создании регионального объединения указанных государств в качестве основных целей провозглашались поддержание и обеспечение мира, безопасности и стабильности в Средней Азии, а также развитие сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и иных сферах.

²⁴ Нормативная правовая база и механизмы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности Бразилии // URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/br/about_br/laws_ved_br/laws_trade_br/

²⁵ Дипломатический вестник. 1994. № 1–2. С. 37.

Закономерным итогом встречи явилось подписание 15 июня 2001 г. Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом²⁶, закрепившей определение сепаратизма и экстремизма как насильственных и преследуемых в уголовном порядке деяний. В качестве основных направлений сотрудничества центральных компетентных органов сторон указанная Конвенция определила: обмен информацией о готовящихся и совершаемых преступных деяниях, а также о пресеченных попытках их совершения; об организациях, группах и лицах, готовящих или совершающих преступные деяния; обмен опытом, нормативно-правовыми актами и информацией о практике их применения.

В июне 2002 г. на втором саммите глав государств — членов ШОС в г. Санкт-Петербурге были подписаны вступившая в силу 19 сентября 2003 г. Хартия ШОС, а также Соглашение о Региональной антитеррористической структуре и Декларация глав государств — членов ШОС. Хартия ШОС придала организации международную правосубъектность и подтвердила, что основными ее целями и задачами являются совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности²⁷. В указанной Хартии юридически были закреплены ориентиры ее развития и определены главные направления сотрудничества ШОС с другими странами и организациями, а также зафиксированы цели и принципы, внутренняя структура, механизм формирования общего курса ШОС.

Необходимо отметить, что анализ правового статуса и проблем развития ШОС как региональной международной организации²⁸ позволяет сделать вывод, согласно которому ШОС можно отнести к категории производных (вторичных) субъектов международного права. Специфика юридической природы таких субъектов выражается, во-первых, в том, что она основывается — именно в правосубъектном статусе — на волеизъявлении государств, зафиксировавших свое решение о создании ШОС в учредительном акте, представля-

ющим собой международный договор, а во-вторых, в том, что объем и содержание статуса этих государств определяется в учредительном акте в точном соответствии с функциональным назначением конкретной организации.

Более того, следует учитывать, что ст. 15 Хартии ШОС «Правоспособность» ориентирована на совмещение публичного и частного аспектов: «ШОС в качестве субъекта международного права обладает международной правоспособностью. Она пользуется на территории каждого государства-члена такой правоспособностью, которая необходима для реализации ее целей и задач. ШОС имеет права юридического лица и может, в частности: заключать договоры; приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им; выступать в судах в качестве истца или ответчика; открывать счета и совершать операции с денежными средствами». Формулировки, характеризующие региональную организацию в качестве субъекта международного права, и детальное изложение прав организации как юридического лица можно назвать необычным.

Региональная антитеррористическая структура (далее — РАТС), созданная в целях улучшения взаимодействия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия, а также с незаконной миграцией, получила в 2002 г. статус постоянно действующего органа ШОС²⁹. Правовой статус РАТС порождает некоторые вопросы, поскольку его взаимоотношения с ШОС обладают специфическими чертами взаимодействия субъекта международного права и автономной структуры с элементами самостоятельности. Так, специфическими качествами как ШОС, так и РАТС являются привилегии и иммунитеты, установленные Хартией ШОС для этой организации и Соглашением между государствами — членами ШОС и РАТС для этой структуры. В связи с этим, представляется справедливым мнение Г.В. Игнатенко о том, что договорная квалификация ШОС в качестве субъекта международного права допускает совместимую с ней дополнительную международную правосубъектность РАТС как ее субсидиарного компонента. Отметим, что в функции РАТС помимо прочих входит и координация действий правоохранительных органов и спецслужб государств ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

ШОС проявляет себя как организация, которая ежегодно быстро и эффективно адаптируется к новым реалиям, продвигаясь от простого реагирования на вызовы времени к выработке совместной стратегии государств-участников. Она предоставляет всем государ-

²⁶ Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С. 29–36.

²⁷ Там же. С. 29.

²⁸ См., напр.: Международное право. Общая часть: учебник / Г.Я. Бакирова, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев и др.; отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2011. С. 165; Баранов А.Ю. Шанхайская организация сотрудничества. Долгосрочные перспективы роста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2009. № 2; Лялина И.С. Правовые основы взаимодействия организации договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества // Право и политика. 2006. № 5. С. 72.

²⁹ Бюллетень международных договоров. 2005. № 3. С. 35–41.

ствам-участникам возможность участвовать в формировании новой модели геополитической интеграции, в основе которой, по мнению М.Л. Титаренко, лежит создание справедливого миропорядка, базирующегося на укреплении взаимного доверия, выстраивании партнерских отношений без претензий на монополию и доминирование в международных делах³⁰.

Мониторинг реализации международных соглашений в рамках ШОС целесообразно рассмотреть на примере Соглашения между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок (далее — Соглашение). Приложением № 3 к Соглашению определен круг ведения Совместной комиссии по созданию благоприятных условий для международных автомобильных перевозок (далее — Совместная комиссия).

Основной задачей Совместной комиссии является мониторинг исполнения Соглашения и обеспечение его эффективного применения. Совместная комиссия выполняет следующие обязанности и функции:

- мониторинг и координация деятельности для согласованного и последовательного применения положений Соглашения и решение вопросов, возникающих в ходе реализации Соглашения;
- рассмотрение изменений в отношении маршрутов и (или) пограничных пунктов пропуска, относящихся к Соглашению, для последующего утверждения Сторонами;
- обсуждение и принятие решений по вопросам, относящимся к выдаче разрешений на осуществление международных автомобильных перевозок, в том числе к квоте разрешений и методу ее определения, а также изменение содержания, формата, способа изготовления, распространения и правил использования разрешений;
- анализ практики использования разрешений и подготовка отчетов о функционировании разрешительной системы;
- оказание содействия компетентным органам государств в обмене информацией о законодательстве и правилах каждого из государств, касающихся международных автомобильных перевозок, об изменениях в них, а также другой информацией;
- обмен перечнями опасных грузов и информацией об условиях их перевозки в соответствии с законодательством каждого из государств;
- выработка предложений по улучшению условий осуществления международных автомобильных перевозок;

- оказание государствам — участникам Соглашения содействия в присоединении к международным конвенциям, направленным на создание благоприятных условий для осуществления международных автомобильных перевозок, а также в применении указанных конвенций;
- рассмотрение предложений по реализации совместных инвестиционных проектов, направленных на развитие автотранспортных коридоров, соединяющих территории государств;
- обсуждение других вопросов, относящихся к Соглашению.

Совместная комиссия состоит из одного представителя и одного его заместителя от каждого из государств Сторон. Решения на заседаниях Совместной комиссии принимаются на основе консенсуса в форме протоколов заседаний. Оригиналы протоколов заседаний хранятся у депозитария Соглашения. Заседание Совместной комиссии проводится один раз в год. По инициативе одной из Сторон и при согласии других Сторон могут проводиться внеочередные заседания.

Анализируя итоги деятельности ШОС, необходимо выделить позитивные достижения, к которым следует отнести не только определение ее институциональной структуры, но и формирование и развитие ее правовой базы. К нормативно-правовым актам деятельности организации наряду с уставными актами (Хартия и Устав ШОС) относятся: Конвенция о привилегиях и иммунитетах ШОС, Соглашение между членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, акты о статусе наблюдателей ШОС и др. В правовую базу входят документы, касающиеся экономического блока, и механизма противодействия природным катаклизмам, и расширения зоны ответственности ШОС на афганском направлении, и усиления антитеррористической деятельности ШОС, а также акты о механизме вступления в организацию новых членов и др.

В нынешних условиях сложно говорить о многостороннем экономическом сотрудничестве в рамках ШОС, поскольку слишком отличаются друг от друга страны Центрально-Азиатского региона: различны их экономический потенциал и ресурсная обеспеченность и т.д. Кроме того, наблюдается несбалансированность законодательных систем государств — членов ШОС. Для усиления инвестиционного сотрудничества стран — членов ШОС целесообразна корректировка законодательств стран-участников по корреляции условий для размещения и защиты иностранных инвестиций, в регламентации особого правового режима хозяйствования, особенно специального налогового режима при выполнении договоров концессии и соглашений о разделе продукции. Особенно эффективным инструментом государственной инвестиционной политики каж-

³⁰ См.: Титаренко М.Л. Предисловие. Шанхайская Организация Сотрудничества: взаимодействие во имя развития / сост. А.Ф. Клименко. М., 2006. С. 5.

дого из государств может быть правовое регулирование договоров концессии, заключаемых государством с частными инвесторами.

Учитывая то, что ШОС планирует реализацию трехступенчатой программы постепенного введения практики свободного трансграничного перемещения грузов, капиталов, товаров, технологий, персонала между государствами-членами, в рамках организации следует начать упрощать процедуры торговли и инвестиций для содействия приоритетному развитию сотрудничества как в области энергетики, так и в области транспорта и сельского хозяйства. В подтверждение этого можно сослаться на мнение В.А. Матвеева, согласно которому совместное инвестирование в перспективные для рынка ШОС производства может быть одним из важнейших инструментов региональной интеграции и создания благоприятного климата для внешней торговли³¹. Однако не только взаимозависимость производств, дислоцирующихся в странах региона, но и правовое развитие государств — членов ШОС призваны стать предпосылками к развитию регионального сотрудничества, торговли и внешних связей.

Вместе с тем на сегодняшней стадии развития перед ШОС не только открываются огромные возможности, но и стоят потенциальные вызовы. Так, например, по мнению Чжао Хуашен, ШОС необходимо решить пять наиболее важных проблем, а именно: позиционирование, координация интересов внутри организации, расширение, эффективность и внешние связи³².

ШОС является важным интегратором международного сотрудничества, приоритетное значение которого для России отражено в Концепции внешней политики РФ. Согласно указанной Концепции, утвержденной Президентом РФ 12 февраля 2013 г., Россия будет наращивать взаимодействие не только в таких форматах, как «Группа двадцати», «Группа восьми», БРИКС, РИК, но и в рамках ШОС, а также других организаций и диалоговых площадок³³.

Следует учитывать, что работа ШОС проходит параллельно с функционированием ряда организаций. По мнению О.Ж. Саматова, взаимосвязь между ШОС и другими международными организациями объективно predetermined — страны-члены организации в той или иной форме уже участвуют в многосторонних

объединениях глобального и регионального уровня³⁴. Так, Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, каждый из членов ШОС имеет опыт участия в таких институтах международного сотрудничества, как ОБСЕ, форум АТЭС, СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, АСЕАН, АРФ, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (далее — СВМДА) и др. В рамках задач по обеспечению безопасной региональной интеграции более широкий спектр проблем охватывала, например, принадлежащая Казахстану инициатива СВМДА, но наиболее эффективным интеграционным объединением обеспечивающим решение вопросов борьбы с современными вызовами и угрозами в АТР, по нашему мнению, является АСЕАН, деятельность которой в данной сфере имеет определенное сходство с работой ШОС.

Прошло восемь лет с момента подписания 21 апреля 2005 г. между ШОС и АСЕАН Меморандума о взаимопонимании, определяющего основные направления взаимодействия сторон в таких сферах, как экономика, финансы, туризм, охрана окружающей среды, использование природных ресурсов, социальное развитие, сотрудничество в области энергетики, а также вопросы, связанные с борьбой с транснациональной преступностью, и др. Подписанный документ открывает новые возможности для углубления сотрудничества между двумя региональными организациями в интересах государств — членов ШОС и АСЕАН, однако практическая имплементация указанного Меморандума не закончена — в рамках межмидовских консультаций, прошедших 21 ноября 2007 г. в Душанбе, соответствующие государства поручили секретариатам разработать план его практической реализации.

Поддержание и развитие отношений как с международными организациями, так и с другими государствами закреплено в ст. 1 Хартии ШОС в качестве одной из ее целей и задач. Но наиболее полное закрепление правового регулирования взаимодействия ШОС с иными интеграционными объединениями нашло отражение в ст. 14 Хартии ШОС, именуемой «Взаимоотношения с другими государствами и международными организациями».

В целях оптимизации деятельности ШОС необходимо развитие ее структуры в форме проведения совещаний руководителей министерств или ведомств. Представляется необходимым расширить количество соответствующих отраслевых структур в рамках ШОС, в частности, постоянно проводить совещания руко-

³¹ См.: Матвеев В.А. Состояние и перспективы экономического развития стран Центральной Азии — членов ШОС. Шанхайская Организация Сотрудничества: взаимодействие во имя развития / сост. А.Ф. Клименко. М., 2006. С. 52.

³² См.: Чжао Хуашен. ШОС: перспективы и вызовы. ШОС в поисках нового понимания безопасности: матер. междунар. науч. конф. Алматы. 2008. С. 93.

³³ URL: www.kremlin.ru

³⁴ См.: Саматов О.Ж. Международно-правовые основы ШОС как инструмента стабильности и развития в Центрально-Азиатском регионе СНГ. ШОС в поисках нового понимания безопасности: матер. междунар. науч. конф. Алматы. 2008. С. 88.

водителей государственных структур по вопросам: противодействия преступности в целом (совещание министров внутренних дел); исполнения наказаний и иных принудительных мер, назначаемых судом (совещание руководителей органов исполнения наказаний и иных судебных решений); противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (Совещание руководителей органов по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ).

Безусловно, ШОС — это молодая организация, поэтому довольно трудно предсказать ее будущий формат и определить, насколько она преуспеет в установлении постоянного присутствия в регионе, чтобы реализовывать свои интеграционные интересы. По нашему мнению, это будет зависеть от состава участников ШОС, а также от дальнейших действий организации по выработке общей стратегии. В Хартии ШОС (ст. 14) порядок и процедуры предоставления статуса партнера по диалогу либо наблюдателя устанавливаются специальным соглашением между государствами-членами, однако в Хартии не оговаривается участие международной организации как субъекта международного права в соблюдении порядка и осуществлении процедуры предоставления ей такого статуса. Поэтому возможно закрепление в Хартии ШОС процедуры заключения международных договоров именно между международными организациями как субъектами международного права.

ШОС должна определиться со своей региональной принадлежностью. В данный момент у ШОС есть как минимум три возможных варианта организации сотрудничества: с государствами Центральной Азии; создание организации Большой Центральной Азии; развитие организации Большой Евразии. Первый вариант ограничивает политико-географическую деятельность ШОС узкими рамками. К тому же сейчас деятельность ШОС лежит преимущественно в этой сфере. Второй вариант расширяет политико-географическую сферу активности ШОС до соседних регионов, например Монголии и Афганистана. Третий вариант позволяет ШОС ориентироваться на Евразию, включая территории как бывшего советского пространства, так и Западной и Южной Азии.

ШОС исторически призвана стать своего рода трансконтинентальным мостом, связывающим Европейский и Азиатский континенты. Такое предназначение обусловлено уникальным геополитическим положением государств — членов организации. Несомненной является заинтересованность стран — участников ШОС в сохранении конструктивных межгосударственных отношений, являющихся фундаментальной основой регионального сотрудничества. Особое значение

в этом контексте следует придавать экономическим связям между государствами Центрально-Азиатского региона, так как именно эта сфера может существенно рационализировать не только двусторонние, но и многосторонние отношения в рамках ШОС. Недостаток же заключается в нехватке стабильной правовой поддержки ШОС, что приводит к трудностям при планировании дальнейших шагов организации.

При изучении правовых подходов развития интеграционных объединений весьма важным является вопрос о мониторинге международно-правовых актов. Однако следует констатировать, что в отличие от национальных правовых актов этот вопрос остается практически не исследованным³⁵. Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о соотношении понятий «контроль исполнения международных договоров» и «мониторинг исполнения международных договоров».

Международный контроль за исполнением договоров является разновидностью контроля в международном праве. Е.Ю. Устинова обращает внимание на то, что международный контроль является сравнительно новым институтом международного права и терминология в данной сфере еще не устоялась. При этом четкого разграничения между различными терминами («verification», «surveillance», «supervision», «observance», «control», «monitoring»), используемыми в зарубежных научных трудах и информационных изданиях для обозначения процесса международного контроля, как правило, не проводится. На данную проблему обратили внимание зарубежные исследователи Ж. Комбако и С. Сюр. В текстах международных договоров в области международной безопасности используется термин «verification» (а также «monitoring» для обозначения сбора данных в процессе «verification»); в рыболовных соглашениях — «enforcement», «inspection» и «surveillance»³⁶.

Большинство советских ученых-юристов под международным контролем понимали проверку выполнения принятых по договору обязательств — установление фактических обстоятельств и их оценку с точки зрения соответствия требованиям норм права. И.И. Котляров предложил еще более широкое определение международной контрольной деятельности, сделав акцент на его предупреждающей роли в нарушении международных обязательств и необходимо-

³⁵ Мониторинг международно-правовых актов межгосударственных объединений в контексте совершенствования национального законодательства: матер. межд. науч.-практ. конф. от 29 ноября 2011 г. // под общ. ред. Р.Т. Тусупбекова. Астана, 2012. С. 17.

³⁶ См.: Устинова Е. Ю. Международный контроль за соблюдением международных договоров: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

сти добросовестного, полного и своевременного их выполнения³⁷.

Международный контроль реализуется в контрольно-процессуальной деятельности, включающей в себя следующие стадии:

- организационно-подготовительная, состоящая из определения субъекта международного контроля, подконтрольного объекта, установления его международно-правовых обязательств, форм и методов контроля;
- сбор информации о соблюдении подконтрольным объектом своих обязательств, вытекающих из международно-правовых норм;
- подведение итогов и оценка поведения подконтрольного объекта путем сопоставления собранных фактических данных и его международно-правовых обязательств, констатация и оценка отклонений от правовой нормы;
- принятие субъектами контрольной деятельности решений, рекомендаций, предписаний по достижению соблюдения подконтрольным объектом своих международно-правовых обязательств;
- принятие соответствующими органами или организациями международного контроля, а также специально учрежденными для этой цели другими субъектами контроля мер ответственности в отношении государства-правонарушителя³⁸.

Международный правовой мониторинг как комплекс информационных наблюдений связан с анализом и оценкой формирования норм международного права, а также действия и применения его норм. Предметом международного правового мониторинга являются международные договоры, акты международных межгосударственных организаций, решения судебных органов, внутригосударственные акты, касающиеся имплементации договоров. Субъектами мониторинга выступают государства в лице его органов, уполномоченных осуществлять информационное наблюдение. Государство представляет собой субъект официального мониторинга как во внутригосударственных отношениях, так и на международной арене. В международных отношениях осуществлять мониторинг помимо государств могут и иные субъекты международного права — международные межгосударственные организации, а в определенных случаях — международные суды³⁹.

³⁷ См.: Международное сотрудничество и международное право. М., 1977. С. 40.

³⁸ См.: Контроль в современном международном праве / под ред. Валеева Р.М. Казань, 2003. С. 17.

³⁹ См.: Фархутдинов И.З. О роли международно-правового мониторинга и международного контроля в развитии Евразийской экономической интеграции: интервью с О.И. Тиуновым // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10 (53).

В литературе рекомендуется осуществлять мониторинг международных договоров при проведении экспертизы национальных законопроектов на соответствие международным договорам. Обоснование этому следующее: для проведения экспертизы на соответствие международным договорам необходимо понимание того, что не все международные договоры соответствуют критериям проверки, которым должны соответствовать национальные законы. Поэтому правила экспертизы должны быть разработаны с учетом разделения международных договоров на договоры-сделки, не оказывающие влияния на национальную правовую систему, и договоры-законы, являющиеся нормоустанавливающими. В связи с этим необходим мониторинг международных договоров с целью отслеживания и разделения их на международные договоры, оказывающие влияние на национальную правовую систему, и остальные⁴⁰.

Применительно к международно-правовому мониторингу имплементации антикоррупционных конвенций в литературе ведется дискуссия о соотношении понятий «контроль» и «мониторинг». Российские юристы подчеркивают, что если задачей контроля является проверка выполнения сторонами взятых на себя международных обязательств, то задачей правового мониторинга служит накопление и обработка информации о качестве правоприменительной деятельности, определение тенденций в практике правоприменения, особенно в такой сфере, как имплементация норм международного права⁴¹.

Одной из немногих работ, специально посвященных вопросам мониторинга международно-правовых актов межгосударственных объединений, стало издание материалов научно-практической конференции, посвященной вопросам мониторинга международно-правовых актов межгосударственных объединений в контексте совершенствования национального законодательства (Республика Казахстан, Астана, 29 ноября 2011 г.)⁴². В этом сборнике представлен аналитический доклад «Современные проблемы содержания и организации правового мониторинга международно-правовых актов СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза и Единого экономического пространства в их взаимодействии с

⁴⁰ См.: Копылова Е.Ю. Проблемы имплементации норм международного частного права во внутреннее право иностранных государств // Международное публичное и частное право. 2008. № 4.

⁴¹ См.: Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография. М., 2012. С. 232.

⁴² Мониторинг международно-правовых актов межгосударственных объединений в контексте совершенствования национального законодательства: матер. межд. науч.-практ. конф. от 29 ноября 2011 / под общ. ред. Р.Т. Тусупбекова. Астана, 2012.

национальным законодательством», подготовленный Институтом законодательства Республики Казахстан, Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь по результатам совместного научного исследования, проведенного в 2011 г. Главным выводом данного исследования стала необходимость:

- унифицирования посредством мониторинга методологии и основных принципов организации и его проведения, осуществляемых различными органами власти стран — участниц межгосударственных интеграционных объединений;
- разработки организационной модели, включая вопросы взаимодействия органов государств-участников по проведению правового мониторинга;
- создания единой системы научно-методического обеспечения и оказания консультационной помощи в вопросах правового мониторинга, включая участие экспертов, научных организаций и институтов гражданского общества стран — участниц межгосударственных объединений;
- выработки оптимальной системы взаимодействия, обеспечивающей информационную открытость результатов правового мониторинга;
- разработки и реализации мероприятий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также социологических исследований правовой сферы, которые следует рассматривать как составную часть мониторинга;
- автоматизации мониторинговых процедур и внедрения современных информационных технологий в систему правового мониторинга;
- создания межгосударственного механизма контроля за соблюдением требований (принципов) организации и проведения правового мониторинга;
- определения статуса результатов правового мониторинга для стран — участниц межгосударственных объединений.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в научной литературе до сих пор не сложилось четкого мнения о соотношении понятий «контроль исполнения международных договоров» и «мониторинг исполнения международных договоров». Данные термины рассматриваются и как синонимы, и как различные понятия. Данное обстоятельство затрудняет практическую реализацию мониторинга исполнения актов интеграционных объединений. Кроме того, в литературе до сих пор не выработаны конкретные рекомендации по осуществлению указанного мониторинга, а лишь намечаются концептуальные подходы к этому.

Приведенный ранее пример нормативного регулирования мониторинга в рамках ШОС показывает, что развитие интеграционных процессов в Азии приводит к необходимости выработки общих подходов к мониторингу исполнения международных договоров. При этом следует учитывать, что мониторинг осуществляется государствами — членами интеграционных объединений также и в соответствии с их национальным законодательством.

Например, в настоящее время нормативные правовые акты, регулирующие осуществление правового мониторинга из государств — членов ШОС, приняты лишь в Республике Казахстан, Российской Федерации и Республике Узбекистан. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Казахстан от 24 марта 1998 г. № 213 «О нормативных правовых актах» правовой мониторинг нормативных правовых актов — это деятельность государственных органов, осуществляемая на постоянной основе, по сбору, оценке, анализу информации о состоянии законодательства Республики Казахстан, а также по прогнозу динамики его развития и практики применения в целях выявления противоречащих законодательству Республики Казахстан устаревших и коррупциогенных норм права, оценки эффективности их реализации. В соответствии со ст. 43-1 данного Закона уполномоченные органы обязаны осуществлять правовой мониторинг нормативных правовых актов, принятых ими и (или) разработчиками которых они являлись, и своевременно принимать меры по внесению в них изменений и (или) дополнений или признанию их утратившими силу. При этом правила проведения правового мониторинга нормативных правовых актов утверждаются Правительством Республики Казахстан. В соответствии с данной нормой постановлением Правительства Республики Казахстан от 25 августа 2011 г. № 964 «Об утверждении Правил проведения правового мониторинга нормативных правовых актов», утверждены Правила проведения правового мониторинга нормативных правовых актов. В свою очередь, Институтом законодательства Республики Казахстан разработаны Методические рекомендации по проведению правового мониторинга нормативных правовых актов, которые утверждены приказом исполняющего обязанности Министра юстиции Республики Казахстан от 28 октября 2011 г. № 350.

В соответствии со ст. 42 Закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» мониторинг и контроль за исполнением нормативно-правовых актов осуществляются государственными органами и иными организациями в соответствии с законодательством. Министерство юстиции Республики Узбекистан проводит мониторинг и контроль за соблюдением требований законодательства, законности при осуществлении

деятельности органов государственного управления, органов государственной власти на местах, правоохранительных и контролирующих органов. Министр юстиции Республики Узбекистан ежегодно информирует Сенат Олий Мажлиса Республики Узбекистан о состоянии законности в органах государственного управления, органах государственной власти на местах, правоохранительных и контролирующих органах.

В Российской Федерации действуют Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» и принятое в соответствии с ним постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации».

К числу основных недостатков указанных нормативных правовых актов можно отнести то, что они не предусматривают осуществления мониторинга исполнения положений международных договоров, составляющих договорно-правовую базу соответствующих интеграционных объединений, а также решений, принятых руководящими органами таких объединений.

Только в постановлении Правительства Республики Казахстан от 30 октября 2010 г. № 1141 «Об утверждении *Правил* мониторинга за обеспечением выполнения международных договоров Республики Казахстан» содержатся общие положения, регламентирующие осуществление мониторинга за обеспечением выполнения международных договоров Республики Казахстан. Данное обстоятельство является несомненным достоинством нормативной правовой базы, поддерживающей осуществление мониторинга в этом государстве. Однако казахстанские исследователи отмечают недостатки, связанные с практической реализацией этого акта. Так, Е. Аренова подчеркивает: несмотря на то обстоятельство, что в Республике Казахстан нормативно закреплены правила мониторинга за обеспечением выполнения международных договоров, этой проблеме не уделяется должного внимания. Вопрос мониторинга международных договоров не рассматривается в качестве приоритетного, информация по мониторингу не актуализируется, поэтому мониторингу необходимо придать новый импульс⁴³.

Библиографический список:

1. Goto. Junichi. *Macroeconomic Interdependence in East Asia* // International conference of IMF & WB. — Tokyo, 2011.

⁴³ См.: Аренова Е. Международное нормотворчество: проблемы и решения // Юридическая газета 2012. (9 июня // URL: ug.zanmedia.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=6536:2012-06-08-05-50-20&catid=1:1&Itemid=3).

В России первый Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 г. был размещен на официальных сайтах Президента РФ, Правительства РФ, а также Минюста России в сети Интернет в марте 2013 г.

При этом следует заметить: несмотря на то, что указанные выше Указ Президента РФ и постановление Правительства РФ не предусматривают осуществления мониторинга реализации международных договоров, в тексте названного Доклада отражены отдельные аспекты такого мониторинга. Так, указано, что 14 июня 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей». В соответствии с постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» полномочия данного центрального органа возложены на Министерство образования и науки РФ. В ходе анализа положений указанной Конвенции с учетом требований методики осуществления мониторинга в Российской Федерации по показателю использования положений нормативных правовых актов в качестве основания совершения юридически значимых действий (подп. «к» п. 8) была установлена необходимость имплементации положений этого международного акта в законодательство РФ⁴⁴.

Различия в сферах мониторинга, отсутствие единых критериев и показателей создают значительные сложности для унификации имеющихся в национальных законодательствах механизмов мониторинга. В связи с этим необходимо согласование уже имеющихся методик мониторинга, применяемых в соответствующих государствах. В дальнейшем возможно использование общих методологических подходов осуществления мониторинга. Они могут представлять собой как самостоятельный акт интеграционного межгосударственного объединения, так и часть внутренней методики каждого из государства — членов такого объединения.

⁴⁴ См.: Доклад Правительства РФ о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 г. // Российская газета. 2013. 27 марта.

2. Балакин В. Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. — 2012. — № 4.
3. Арин О.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. — М., 1997.
4. Richard J. Samuels. Securing Japan. Ithaca and London: Cornell University Press. 2007.
5. Richard Feinberg. BS Trade Arrangements in the Asia-Pacific // Bilateral Trade Agreements in the Asia-Pacific: Origins, Evolution and Implications. — New York, Routledge.
6. Бергер Я.М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. — 2006. — № 1.
7. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы интеграции: монография / под ред. И.И. Меламеда. — Владивосток. 2011.
8. Федоровский А.Н. Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. — № 1.
9. Аремидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. — М., 2007.
10. Sheng Bin. Regionalism: Challenge for China's Trade Policy in the 21 Century. ASC Conference. Tianjin, 2001. P. 3.
11. Хузиятов Т.Д. Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / под ред. В.Н. Соколова. — Владивосток, 2004.
12. Саммит АТЭС: правовые механизмы региональной интеграции: монография. — М., 2012.
13. Сидоров В.Н. Нормы «soft law» как источник таможенного права Таможенного союза (на примере актов АТЭС) // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2012. — № 4.
14. Шанхайская Организация Сотрудничества: взаимодействие во имя развития / сост. А.Ф. Клименко. — М., 2006.
15. ШОС в поисках нового понимания безопасности: матер. междунар. науч. конф. — Алматы. 2008.
16. Мониторинг международно-правовых актов межгосударственных объединений в контексте совершенствования национального законодательства: матер. междунар. науч.-практ. конф. от 29 ноября 2011 г. / под общ. ред. Р.Т. Тусупбекова. — Астана, 2012.
17. Устинова Е.Ю. Международный контроль за соблюдением международных договоров: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
18. Международное сотрудничество и международное право. — М., 1977. — С. 40.
19. Контроль в современном международном праве / под ред. Р.М. Валеева. — Казань, 2003.
20. Фархутдинов И.З. О роли международно-правового мониторинга и международного контроля в развитии Евразийской экономической интеграции: интервью с О.И. Тиуновым // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10 (53).
21. Копылова Е.Ю. Проблемы имплементации норм международного частного права во внутреннее право иностранных государств // Международное публичное и частное право. — 2008. — № 4.
22. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография. — М., 2012.

References (transliteration):

1. Goto. Junichi. Macroeconomic Interdependence in East Asia // International conference of IMF & WB. — Tokyo, 2011.
2. Balakin V. Evropeiskii opyt regional'noi integratsii dlya Vostochnoi Azii // Problemy Dal'nego Vostoka. — 2012. — № 4.
3. Arin O.A. Aziatsko-Tikhoookeanskii region: mify, illyuzii i real'nost'. — M., 1997.
4. Richard J. Samuels. Securing Japan. Ithaca and London: Cornell University Press. 2007.
5. Richard Feinberg. BS Trade Arrangements in the Asia-Pacific // Bilateral Trade Agreements in the Asia-Pacific: Origins, Evolution and Implications. — New York, Routledge.
6. Berger Ya.M. Bol'shaya strategiya Kitaya v otsenkakh amerikanskikh i kitaiskikh issledovatelei // Problemy Dal'nego Vostoka. — 2006. — № 1.
7. Rossiya v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione: perspektivy integratsii: monografiya / pod red. I.I. Melameda. — Vladivostok. 2011.
8. Fedorovskii A.N. Evolyutsiya ATES i perspektivy regional'nykh integratsionnykh protsessov // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. — 2012. — № 1.
9. Aremidze L.G. Mezhdunarodnye otnosheniya v Vostochnoi Azii. — M., 2007.
10. Sheng Bin. Regionalism: Challenge for China's Trade Policy in the 21 Century. ASC Conference. Tianjin, 2001. P. 3.
11. Khuziyatov T.D. Aziatsko-Tikhookeanskii realii, perspektivy, proekty: XXI vek / pod red. V.N. Sokolova. — Vladivostok, 2004.

12. Sammit ATEs: pravovye mekhanizmy regional'noi integratsii: monografiya. — M., 2012.
13. Sidorov V.N. Normy «soft law» kak istochnik tamozhennogo prava Tamozhennogo soyuza (na primere aktov ATEs) // Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika. — 2012. — № 4.
14. Shankhaiskaya Organizatsiya Sotrudnichestva: vzaimodeistvie vo imya razvitiya / sost. A.F. Klimenko. — M., 2006.
15. ShOS v poiskakh novogo ponimaniya bezopasnosti.: mater. mezhdunar. nauch. konf. — Almaty. 2008.
16. Monitoring mezhdunarodno-pravovykh aktov mezhdunarodnykh ob'edinenii v kontekste sovershenstvovaniya natsional'nogo zakonodatel'stva: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. ot 29 noyabrya 2011 g. / pod obsh. red. R.T. Tusupbekova. — Astana, 2012.
17. Ustinova E. Yu. Mezhdunarodnyi kontrol' za soblyudeniem mezhdunarodnykh dogovorov: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008.
18. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i mezhdunarodnoe pravo. — M., 1977. S. 40.
19. Kontrol' v sovremennom mezhdunarodnom prave / pod red. R.M. Valeeva. — Kazan', 2003.
20. Farkhutdinov I.Z. O roli mezhdunarodno-pravovogo monitoringa i mezhdunarodnogo kontrolya v razviti Evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii: interv'y u s O.I. Tiunovym // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. — 2012. — № 10 (53).
21. Kopylova E.Yu. Problemy implementatsii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava vo vnutrennee pravo inostrannykh gosudarstv // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. — 2008. — № 4.
22. Pravovye mekhanizmy implementatsii antikorrupsionnykh konventsii: monografiya. — M., 2012.